
ВАДИМ НИКОЛАЕВИЧ ШЕРСТОБОВЕВ: ЖИЗНЬ И ИСТОРИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

DOI 10.17150/978-5-7253-3085-4.01

УДК 930.2

ББК 63.1(2)6

Д.Я. МАЙДАЧЕВСКИЙ

ВАДИМ НИКОЛАЕВИЧ ШЕРСТОБОВЕВ: «БОИ ЗА ИСТОРИЮ» НЕ МЕСТНОГО ЗНАЧЕНИЯ, 1950-е гг.

Объектом непосредственного исследовательского внимания выступает в статье открытое противостояние В.Н. Шерстобоева местному сообществу историков, его борьба с позитивистской моделью исторического исследования, историографией ножиц и клея, достигшая своего апогея в ходе обсуждения первого тома «Истории Бурят-Монгольской АССР» в марте-апреле 1952 г. Отчетливо выраженная сциентистская направленность критики, усматривавшей основной порок местной исторической науки в поверхностности и ненаучности используемых ею приемов и способов познания, в отсутствии опоры на аналитические возможности методологии исторического материализма, потребовала обращения к общенаучному и дисциплинарному контексту. Важнейшими элементами последнего, реконструируемыми в статье, стали: обращение в первые послевоенные годы к изучению исторических проблем неисториков, их занятия историей как способ сциентизации исторического знания; Конференция по изучению производительных сил Иркутской области (август 1947 г.), давшая мощный импульс сциентификации общества и местной науки; политико-экономическая дискуссия 1951 г., немало способствовавшая реабилитации методологии материалистического понимания истории и выступившая в роли своеобразного триггера инициированных В.Н. Шерстобоевым «боев за историю».

Ключевые слова: В.Н. Шерстобоев, политико-экономическая дискуссия 1951 г., «научные войны», материалистическое понимание истории, «История Бурят-Монгольской АССР», позитивизм, сциентизация.

D.Ya. MAIDACHEVSKY

VADIM NIKOLAEVICH SHERSTOBOEV: “BATTLES FOR HISTORY” OF NON-LOCAL SIGNIFICANCE, 1950s

The object of immediate research attention in the article is the open confrontation between V.N. Sherstoboev to the local community of historians, his struggle

against the positivist model of historical research, the historiography of scissors and glue, which reached its culmination during the discussion of the first volume of the "History of the Buryat-Mongol ASSR" in March-April 1952. The clearly expressed scientific orientation of criticism, which saw the main flaw of local historical science in the superficiality and unscientific nature of the methods and ways of cognition, which was used by it, in the absence of support on the analytical capabilities of the methodology of historical materialism, required an appeal to the general scientific and disciplinary context. The most important elements of the disciplinary context, reconstructed in the article, are: the appeal in the first post-war years to the study of the past reality of non-historians, their study of history as a way of scientization of historical knowledge; Conference on the study of the productive forces of the Irkutsk region (August 1947), which gave a powerful impulse to the scientification of society and local science; the political and economic discussion of 1951, which contributed a great deal to the rehabilitation of the methodology of the materialistic understanding of history and acted as a peculiar trigger initiated by V.N. Sherstoboev "battles for history".

Keywords: V.N. Sherstoboev, political-economy discussion of 1951, "scientific wars", materialistic understanding of history, "History of the Buryat-Mongol ASSR", positivism, scientization.

Тему работы, которая могла бы подвести итог растянувшейся на двадцать лет публикации цикла статей, посвященных автором «трудам и дням» Вадима Николаевича Шерстобоева (1900–1963) на историческом поприще (его занятия на ниве экономики и организации сельского хозяйства или таежного земледелия – темы отдельного разговора), неожиданно подсказало последнее по времени обращение к творчеству ученого. Публикация, повествующая о том, с каким трудом ученому и его «Илимской пашне» довелось продираться через идеологические тернии познесталинской эпохи [1], предельно сместив фокус исследовательского внимания автора на политико-идеологический контекст, невольно указала на прежде упускавшийся им из виду историографический факт. Отнюдь не первое послесталинское десятилетие, период «оттепели», а именно познесталинский период стал эпицентром научной активности и продуктивности ученого в сфере сибирской истории, именно в его рамки вместились практически все ключевые события научной биографии, сконцентрировались интеллектуальные достижения, ставшие предметом рассмотрения статей на страницах «Иркутского историко-экономического ежегодника». Этот факт его интеллектуальной биографии заставил внимательнее приглядеться к контексту и во многом «перереконструировать» его, чтобы за идеологической завесой стало возможным увидеть историко-научные основания его исследовательских практик, а за дымовой завесой идеологических противостояний – «научные войны», участником которых ученому довелось стать.

«Научные войны»

Одной из немногих работ, автору которой довелось поставить и предложить решение задачи обнаружения куда более сложной взаимосвязи идеологии и науки, нежели усматривали (и продолжают усматривать) социальные историки науки позднесталинской эпохи, стала, на наш взгляд, книга Э. Поллока «Сталин и советские научные войны» [2]. Уже само использование автором относительно недавно введенного в оборот понятия «научные войны» призвано было включить послевоенные дискуссии не только в политико-идеологический контекст эпохи, но и в один ряд с продолжающимися и поныне дискуссиями о природе научного знания и его теоретико-методологических основаниях. На смену упрощенному видению отношений между наукой и идеологией как отношений подчинения и господства пришло, по меньшей мере, рассмотрение научных разногласий и политико-идеологических установок как рядом положенных факторов, определявших ход и результаты инициированных сталинским режимом, заинтересованным в стимулировании научного прогресса, дебатов¹.

По справедливому замечанию Э. Поллока, в таких сферах как литература и искусство «...партия, формулируя и отстаивая идеологические принципы, без колебаний использовала постановления, официальные выступления и публикации в прессе. Этим методом, однако, оказывалось недостаточно, когда целью было примирить марксизм-ленинизм с основными научными открытиями. Вместо этого Сталин и ЦК настаивали на научных дискуссиях. Ученые в ходе дебатов, которые пристально отслеживались (но никогда не контролировались полностью) партией, должны были выработать понимание своих дисциплин, которое находилось в гармонии с идеологией, даже когда взгляды партии были не ясны ни им самим, ни партийным руководителям» [2, р. 8]. Первые методы и приемы именуются, преимущественно, «идеологическими кампаниями», вторые – «научными войнами», хотя граница между теми и другими была крайне условной и легко преодолеваемой.

Отмеченная двойственность стала во многом порождением Второй мировой войны, подстегнувшей развитие науки во всем мире и в Советском Союзе в том числе, изменившей статус науки и ученых в обществе. Снизив накал внутривнутриполитического противостояния и силу идеологического давления, уже война востребовала профессиональные знания ученых, способствовала интеграции многих из них в аппарат государственного управления, использовала для пополнения и укрепления пар-

---

¹ Реферат книги на русском языке [3], на наш взгляд, скорее встраивает книгу Поллока в сложившийся историографический мейнстрим, нежели демонстрирует оригинальность и специфику авторского подхода к анализу послевоенных дискуссий в советской науке.

тийного аппарата. Сразу же после окончания Второй мировой войны, – констатирует А.Б. Кожевников, – «наука стала в Советском Союзе делом особой государственной важности», и особо подчеркивает тот факт, что «новый привилегированный статус распространился на все дисциплины, а не только на физику и области, непосредственно ориентированные на военно-промышленный комплекс» [4, с. 52].

Платой за вновь обретенный статус стал, однако, не столько усилившийся идеологический контроль или безоговорочное принятие академической средой навязанных властью культурных ритуалов и формальных правил публичного дискурса и поведения¹, как полагает ученый. На начальном этапе холодной войны такой платой стало, на наш взгляд, выполнение сформулированного властью социального заказа на создание советской = марксистской науки, не только идейно-пропагандистской риторикой, но и дисциплинарными практиками и интеллектуальными достижениями утверждающей и подтверждающей научный характер марксизма и демонстрирующей превосходство основанной на нем советской общественной системы.

В позднесталинской эпохе Поллок выделил два периода, соответственно, охвативший 1947–1949 гг. и стартовавший в 1950-м. Первый стал апогеем в стремлении Сталина и власти онаучить идеологию / политику (равно – идеологизировать / политизировать науку), второй – озаменовался их «отступлением» перед объективным характером научного знания и первыми неуклюжими «шагами к тому, чтобы принять науку как предмет, находящийся за пределами идеологической досягаемости партии» [2, р. 221]. Американский историк полагает, что своей верой в марксизм как объективное знание, а не идеологию, Сталин фактически подготовил «оттепель»², когда наука будет избавлена от чрезмерного политического вмешательства, пусть изолированными от партийных директив и окажутся лишь немногочисленные «острова интеллектуальной автономии» – уже упоминавшиеся физика и ориентированные на военно-промышленный комплекс области знания.

---

¹ Некоторые исследователи полагают последнее много большим для науки злом, скорее «расплатой», нежели «платой». Так, например, Е.В. Васильева пишет применительно к рассматриваемой эпохе: «...метод политико-идеологического насилия из атрибута государственной политики, каким он был до войны, превратился в средство регулирования властных отношений в самой научной среде. Эти новые дискриминационные шаги в области науки несли ей более страшные разрушения, чем некомпетентное вмешательство высших партийных эшелонов, ибо были направлены на деформацию основ научного знания» [5, с. 503].

² Из всех аргументов в пользу того, что «оттепель» началась при Сталине, выдвигаемых уже отечественным экономистом Г.И. Ханиным, среди которых есть и отсылки к ходу и позитивным результатам научных дискуссий 1950-х гг. в языкознании, физиологии и политэкономии, укажем лишь на его замечание о том, что история [научных войн] слишком сложное дело, чтобы доверять его профессиональным историкам [6, с. 100].

В отличие от Э. Поллока, ставящего знак равенства между марксизмом и идеологией, мы склонны рассматривать советские научные войны проявлением характерной для рассматриваемой эпохи «марксизации» как формы сциентизации не только естествознания, но и социального / гуманитарного знания¹ и шире – общества. Обнаруживаемое американским историком в советских научных войнах, но полагаемое им искривленным заблуждением, стремление Сталина продемонстрировать научный характер методологии марксизма, побудить ученых увидеть с ее позиций научные основы своей предметной области, угодило, однако, в ловушку предшествующего – партийно-ортодоксального, или вульгарно-догматического – развития марксизма в стране. Чашу терпения Сталина, по мнению американского ученого, переполнил (заставив даже усомниться в пользе свободных и открытых дискуссий) ход последней по времени – «экономической», призванной выработать марксистскую теорию, способную обеспечить понимание современных процессов на базе установления объективных экономических законов социализма. Подобно своим коллегам в других дисциплинах, экономисты оказались не на высоте задач, поставленных партией и Сталиным, оставшись заложниками прежних – догматических – подходов своей дисциплины к академическим проблемам [2, p. 168].

Оппозиция между марксизмом как идеологией и марксизмом как наукой (теорией и методом) задаст угол зрения, под которым нами будут рассмотрены не столько провинциальные отголоски бушевавших преимущественно в академических центрах страны научных войн, сколько бои местного масштаба, но отнюдь, на наш взгляд, не местного значения. Поле «брани» – сражения, но не сквернословия – станет историческая наука, хотя как раз научный характер местных историописаний и будет поставлен под сомнение. Инициатором дискуссии, со всей бескомпромиссностью сформулировавшим методологические установки, с позиций которых выступит с критикой местного сообщества историков и его лидера, обвинив в ненаучности создаваемого интеллектуального продукта, станет В.Н. Шерстобоев.

---

¹ Отечественные исследования, посвященные рассмотрению указанного процесса, либо ограничиваются анализом западного «чистого опыта» [7], либо – обращаясь к этому историографическому феномену в нашей стране – довольствуются ссылкой на политико-идеологический контекст, с присущим тому засильем а priori признаваемой ненаучной марксистской исторической теории [8, с. 269], что делает отечественный опыт онаучивания исторического знания явлением уникальным.

Позднесталинский и постсталинский периоды: библиометрический анализ

Предварим обсуждение предыстории, хода и результатов дискуссии ретроспективным анализом (библиометрическим и экспертным) результативности местной – иркутской – исторической науки с целью не только определения тенденций развития и диагностики ее проблем в интересующий нас период, но и обнаружения у главного героя вольных и невольных «соратников по борьбе». Точнее, чтобы не упустить возможности для сравнения, – в течение двух периодов, которые обозначим как «позднесталинский» – 1946–1953 гг. и «постсталинский» – 1954–1964 гг. За рамками этого анализа оставим, однако, годы войны, когда местные историки сосредоточились почти исключительно на идейно-патриотической работе. В областном книжном издательстве в этот период ими были опубликованы лишь малоформатные брошюры: Дулов В.И. «Советские партизаны» (1942. 88 с.); Кудрявцев Ф.А. «Ленские события 1912 года» (1942. 72 с.); «Иркутская Гвардейская» (1942. 39 с.); Кудрявцев Ф.А., Дулов В.И. «Боевые традиции сибиряков» (1942. 72 с.); Дулов В.И., Кудрявцев Ф.А., Стрельский В.И. «Великая Отечественная война и Сибирь» (1944. 63 с.) [9]. Основной же продукцией стали статьи на страницах газеты «Восточно-Сибирская правда», посвященные военному прошлому страны и самоотверженной борьбе народа за ее независимость.

Неудивительно, что издание исторической литературы по окончании войны берет старт с нулевой отметки – в столах у историков, как и в издательском портфеле, не было ничего, заслуживающего тиснения в мирное время. Издательству придется предпринять экстраординарные усилия для того, чтобы обширная издательская программа, приуроченная к намеченной на 1947 год масштабной конференции по изучению производительных сил Иркутской области (речь о которой еще пойдет ниже), не зияла пустотой в части книг исторической тематики. И хотя не всем планам суждено было сбыться, как в силу объективных, так и субъективных причин, усилия эти не пропали даром, что привело к пику издательской активности, пришедшему на 1949 год. И, наконец, словно бы в нерешительности или в ожидании перемен, историческая издательская программа на рубеже с постсталинской эпохой на три долгих года застревает на нулевой отметке (рис. 1). Впрочем, будет у этой паузы (1952–1954 гг.), как показано ниже, куда более близкая и определенная причина – локальные по распространению, но не местные по значению «бои за историю».

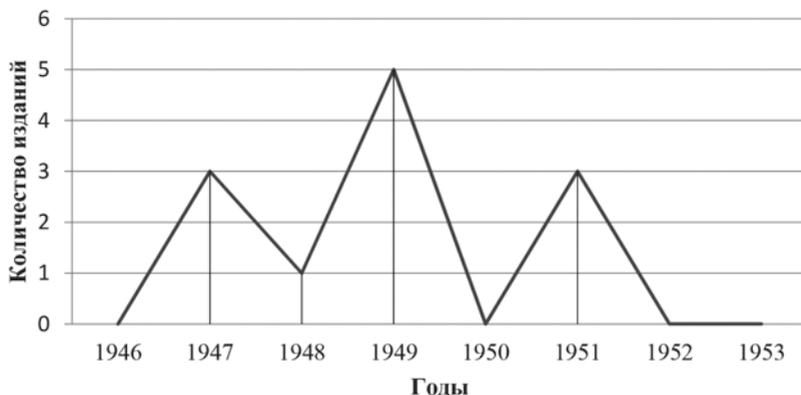

Рис. 1. Выпуск исторической литературы в Иркутске, 1946-1953 гг.¹

Издание исторической литературы в рассматриваемый период, как и пик, достигнутый в его середине, примечательны, по крайней мере, в одном отношении – отнюдь не профессиональные историки (если не количественно, то по характеру и объему работ) задавали в нем тон. «Тогу историка» примерили на себя: геолог Иван Прокофьевич Шарапов (1907–1996) с «Очерками по истории Ленских золотых приисков» 1949 г.; биолог Василий Николаевич Скалон (1903–1976), чьи «Русские землепроходцы – исследователи Сибири XVII века», хотя и были изданы в 1951 г. в Москве, имели увидевшего свет в Иркутске, по словам автора, «эмбриона» – брошюру 1949 г. «Первые исследователи Сибири»; экономико-географ Вадим Вячеславович Покшишевский (1905–1984) с книгой 1951 г. «Заселение Сибири», но, прежде всего и главным образом, экономист-аграрий Вадим Николаевич Шерстобоев – автор фундаментальной «Илимской пашни» (Т.1, 1949), чье присутствие на предметном поле исторической науки не будет носить, в отличие от других, ни случайного, ни эпизодического характера.

Само обращение неисториков к изучению исторических проблем, их занятия исторической работой соционаучного характера, должны рассматриваться, на наш взгляд, не только как своеобразный историографический феномен, но и как способ сциентизации исторического знания. Их вторжение на предметное поле исторической науки, обращение

¹ Выборка исторической литературы, использованная автором при подготовке графиков и диаграмм, составлена по данным электронных каталогов Научной библиотеки Байкальского государственного университета и Российской национальной библиотеки. В нее не попали труды по этнографии и археологии, а также авторефераты диссертаций.

к прошлому с позиций специального знания стало и формой борьбы против позитивистской «каталогизации» фактов, нанизываемых историками на псевдомарксистские исторические схемы, и выступлением против политизации и идеологизации исторического знания.

Нивелируя тенденцию исторической науки ограничиваться почти исключительно изучением истории революционного движения и Ленского расстрела 1912 г., геолог И.П. Шарапов реконструировал историю Ленского золотопромышленного района с опорой на отложившиеся в архиве треста «Лензолото» за сто лет сугубо профессиональные документальные (геологические, горнотехнические, экономико-статистические и пр.) материалы. Информация, почерпнутая им из планов геологоразведочных работ, журналов геологического опробирования, дневников разведки, книг заявок, межевых журналов, стала основой «фактических и аналитических обобщений» регионального масштаба и куда более широких – касающихся отечественной золотопромышленности в целом – «историко-социологических заключений» [10, с. 4–5; 197]. Географ В.В. Покшишевский своей книгой «напоминал» историкам, что у любого исторического процесса, а уж тем более, колониационного, есть не просто географический фон, но географическая ось. И историческое познание «может стоять на прочной научной (курсив наш. – Д.М.) базе только в том случае, если в ходе этого изучения будет раскрыт весьма широкий круг географических связей колониационного процесса» [11, с. 4]. А биолог В.Н. Скалон убеждал, что изучением им истории исследований Сибири двигал глубоко (естественно-)научный интерес – «познание былого зоогеографического лица Сибири». Опираясь на профессиональные знания, писал он, «на основании лишь немногого, что было выбрано из опубликованных материалов, мне удалось восстановить с достаточной степенью точности картину распространения бобра в Сибири в прошлом» [12].

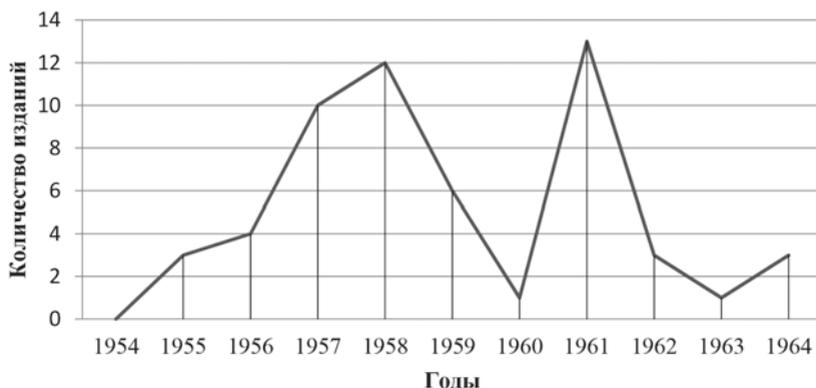

Рис. 2. Выпуск исторической литературы в Иркутске, 1954-1964 гг.

Постсталинский период, словно оправдывая свое образное наименование «оттепели», демонстрирует уверенный, поступательный рост числа изданий исторической тематики, которое на пике – в 1958-м и 1961-м гг. – более чем вдвое превосходит максимальные показатели предшествующего периода (рис. 2). И главным образом потому, что наряду с областным издательством к выпуску литературы подключаются высшие учебные заведения. Однако рост количественных показателей не должен скрыть от наблюдателя резких перемен в тематической структуре исторической литературы. Если в позднесталинский период две трети изданий были посвящены «гражданской» истории и, прежде всего, социально-экономической истории Сибири, то последующая эпоха демонстрирует смещение не просто издательских, но научных приоритетов в сторону историко-революционной и историко-партийной проблематики (рис. 3).

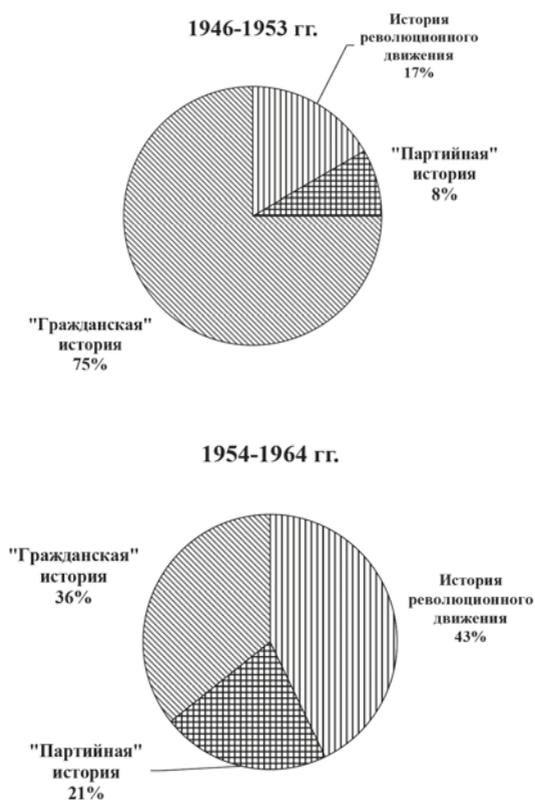
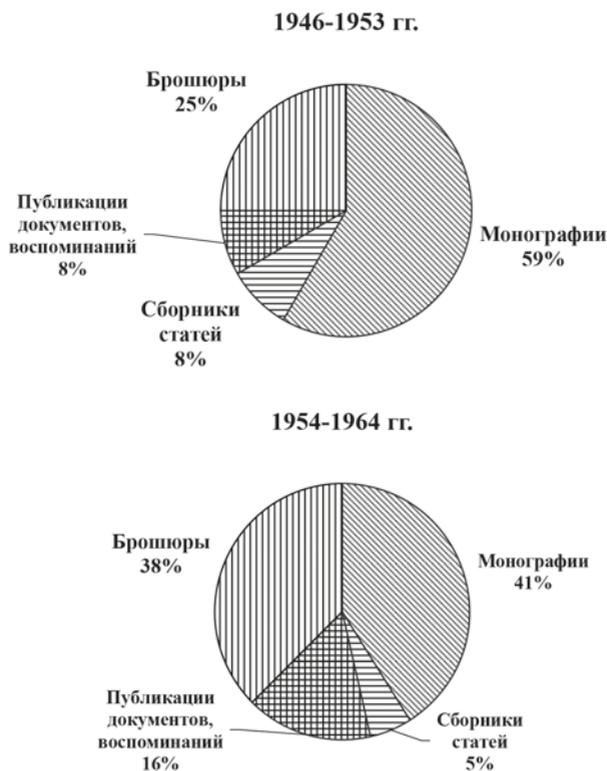

Рис. 3. Соотношение тематических групп исторической литературы, изданной в Иркутске в позднесталинский и постсталинский периоды

В постсталинский период среди исторических изданий наблюдается внушительный рост доли малоформатных брошюр с одновременным сокращением издаваемых монографий, что напоминает военный период, но не нехваткой бумаги, а сменой жанра – научные монографии вытеснялись научно-популярными изданиями уже не столько историко-патриотического, сколько историко-краеведческого характера. Даже в этот период, словно Эверест на фоне скромных научных «возвышенностей», абсолютно доминирует второй том «Илимской пашни» В.Н. Шерстобоева объемом в 43 п. л., в силу независимых от автора причин увидевший свет спустя семь лет после написания, но рожденный другой эпохой. Двукратный рост продемонстрировала и доля публикаций документов и воспоминаний, посвященных относительно недавнему революционному прошлому региона (рис. 4).

Рис. 4. Соотношение различных видов изданий исторической литературы, выпущенной в Иркутске в позднесталинский и постсталинский периоды

И, наконец, следует отметить находящееся в прямой зависимости от изменения тематической направленности научных трудов иркутских историков смещение их внимания к современному периоду истории: две трети из этих трудов сосредоточились на изучении событий XX века (рис. 5). Изменения, таким образом, коснулись всех сторон научного исторического «продукта»: его жанра, тематики и хронологии – формы и содержания. Однако все эти изменения свидетельствовали отнюдь не о стремлении местного исторического сообщества выйти на широкую и освещенную научным знанием дорогу истории, а, напротив, – о намерении двигаться привычной, наезженной колеей позитивистской разработки преимущественно историко-революционной и историко-партийной проблематики.

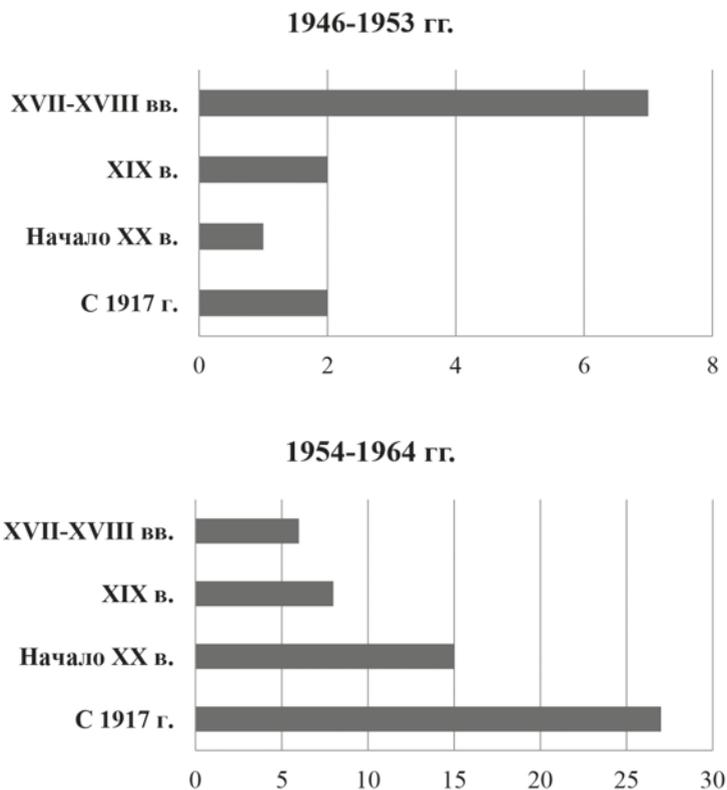

Рис. 5. Соотношение хронологических периодов в исторических изданиях, выпущенных в Иркутске в позднесталинский и постсталинский периоды

Проведенный анализ, помимо прочего, заставляет задуматься о причинах, которые, с одной стороны, вызвали к жизни местный «историографический феномен» 1946–1953 гг., а с другой – обусловили трехлетнюю «паузу» в местном историческом книгоиздании между позднесталинским и постсталинским периодами, традиционно объясняемую сменой политического курса и «оттепелью».

Сам по себе вышеупомянутый феномен был, можно сказать, подмечен и отчасти осмыслен исторической наукой буквально по горячим следам его появления. Еще в 1949 г. в своей статье «Изучение местной истории в СССР (Обзор по РСФСР, УССР и БССР за послевоенные годы)» В.К. Яцунский уделил непропорционально большое внимание книгам И.П. Шарапова и В.Н. Шерстобоева именно потому, что постарался привлечь внимание читателей к неисторическому характеру профессиональных занятий авторов. Непринадлежность последних к историческому цеху вылилась, на его взгляд, в несомненные достоинства их работ, прежде всего, благодаря привлечению новых источников исторической информации и способов ее анализа: именно благодаря специальным знаниям они сумели прочесть в источниках то, что ускользало или было по определению недоступно историкам [13, с. 82-83]¹.

Конференция 1947 года: импульс сциентификации общества и местной науки

Своим рождением феномен этот во многом обязан Конференции по изучению производительных сил Иркутской области, проходившей в Иркутске с 4 по 11 августа 1947 г., подготовка к которой (стартовавшая еще в начале 1946 г.), ход, выдвигавшиеся инициативы, неформальные контакты и принятые решения, дали мощный импульс развитию местной науки. И речь не идет только лишь о поддержанной конференцией инициативе создания в Иркутске Восточно-Сибирского филиала Академии наук СССР, положившего начало формированию академического сектора науки. Накануне и в дни работы конференции фактически начали свою деятельность областное отделение Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний (Общества «Знание») и Восточно-Сибирский отдел Всесоюзного географического общества (Географического общества СССР) – ключевые институты в деле оначивания общества. Основными же «проводниками научного влияния»,

---

¹ Вопрос о месте и роли неисториков в истории исторической науки будет занимать важное место в историографических построениях В.К. Яцунского этих лет (подробнее см.: [14]).

призваны были стать, по словам председателя Оргкомитета конференции академика И.П. Бардина, широкие слои советской научно-технической интеллигенции, призванной «помогать народу в восприятии передовых научных идей современности»¹.

Пришедшийся на позднесталинскую эпоху начальный период деятельности указанных общественно-научных организаций станет, пожалуй, одним из самых ярких в их истории. Получившая мощный заряд энергии от конференции, деятельность эта была минимально формализована и идеологизирована, демонстрировала междисциплинарный характер уже в условиях дисциплинарной специализации наук, рассматривала историю в качестве неперменного параметра действительности, будь то природной или социальной. За исключением москвича В.В. Покшишевского в их работе самое активное участие принимали и упомянутые нами «неисторики»: по линии общества по распространению политических и научных знаний кандидат геолого-минералогических наук И.П. Шарапов читает лекцию «История золотой Лены» студентам Иркутского финансово-экономического института (ИФЭИ)², действительные члены Географического общества доктор биологических наук В.Н. Скалон и кандидат сельскохозяйственных наук В.Н. Шерстобоев выступают с докладами «К 300-летию подвига Семёна Дежнёва» и «Проезд Беринга через Иркутскую провинцию» на ежегодном собрании членов его Восточно-Сибирского отдела³.

Участие в Конференции 1947 г. «местных научных сил» стало для последних отнюдь не одной лишь почетной обязанностью, но и новым опытом, и суровым испытанием – проверкой степени научности их работ. Как подчеркивал ученый секретарь оргкомитета конференции П.П. Силинский, «одной из серьезнейших задач подготовки к конференции является обеспечение высокого качества докладов. Надо, чтобы в докладах иркутской группы докладчиков были правильно поставлены и решены на глубокой научной основе вопросы экономического и культурного развития области...» [15]. Испытанием, заметим, непростым прежде всего для принимавших или, по крайней мере, планировавших свое участие в конференции представителей социогуманитарного знания, работы которых оценивались в соответствии с критериями научности, предъявлявшимися к проектам «естественников» и «технарей», главным (если не единственным) из которых выступало соответствие запросам, требованиям «практической жизни». Так, например, в вышеупомянутой публикации Силинского был подвергнут суровой критике доклад представ-

---

¹ Вступительное слово председателя Оргкомитета конференции, вице-президента Академии наук Союза ССР, академика И.П. Бардина // Восточно-Сибирская правда. 1947. 5 авг.

² Восточно-Сибирская правда. 1948. 16 апр.

³ Восточно-Сибирская правда. 1948. 22 дек.

лявшего областной краеведческий музей палеонтолога и археолога И.В. Арембовского «Музейно-краеведческая работа в Иркутской области» и ее задачи» как сосредоточившийся исключительно на ... истории, но пренебрегший постановкой актуальных для современности задач [там же].

Чтобы избежать подобной критики, тезисы доклада второго историка участника «гуманитарной» секции «Население, культура и градостроительство», представлявшего не только Иркутский университет, но и, фактически, сообщество местных историков – Федора Александровича Кудрявцева (1899–1976), являли собой сухой перечень наиболее значимых для практики фондов Иркутского государственного архива. Сам же доклад отводил историку вспомогательную роль посредника, работающего для нужд науки и хозяйственного строительства путем: «установления постоянной связи с архивными органами области; издания сборников важнейших фондовых документов, организации информации о наиболее ценных материалах в периодической печати, по радио и в научно-исследовательских учреждениях» [16]. При этом, упоминаемые на странице тезисов понятия «наука», «научное значение» или «научные исследования» не имели ни малейшего отношения к занятиям историков, полагая научным исключительно естественное и техническое знание.

Столь жесткий отбор докладчиков из числа местных научных сил едва не оставил за рамками участников конференции и В.Н. Шерстобова. Последний вынужден был отказаться от презентации фактически уже завершено масштабного исследовательского историко-экономического проекта и заявиться с устроившим организаторов докладом «Состояние и перспективы развития овощекартофельной базы вокруг промышленных центров Иркутской области». Изначально же планировавшийся доклад «Начало развития земледелия в Предбайкалье (Илимская пашня)» не вписывался ни в «историческую», ни в «сельскохозяйственную» секцию. И хотя ученому было уже не привыкать отстаивать практическую значимость предпринятых им историко-экономических разысканий, вряд ли местных чиновников от науки в первом случае убедил бы аргумент, что экономист-историк объединяет в одном лице того, кто «производит» данные, и того, кто анализирует их; а во втором, что пашня Илимского воеводства XVII-XVIII веков представляла собой «исполинскую опытную станцию» [17, с. 21], где крестьяне ставили эксперимент по возделыванию зерновых культур. И что этот опыт – будь то агротехнический или социально-экономический – освоения действительности людьми, для которых изучаемое сегодняшним ученым прошлое было настоящим, не может не представлять как научного, так и практического интереса.

Одним из ближайших и зримых результатов конференции, позволившим во многом реализовать интеллектуальный потенциал местных (сибир-

ских) научных сил, находившихся в тени столичных ее участников – носителей высоких ученых степеней и званий, стал выпуск местным книжным издательством серии научно-популярных брошюр «Очерки природы и хозяйства Иркутской области». Выпускавшиеся под редакцией одного из организаторов Восточно-Сибирского филиала АН СССР В.А. Кротова (ставшего в 1949 г. заместителем председателя его Президиума), председателя Плановой комиссии Иркутского облисполкома П.П. Силинского, а также директора местного книжного издательства К.В. Чуйко, малоформатные книжки серии призваны были – в строгом соответствии с направленностью конференции – знакомить читателей с достижениями науки в деле изучения производительных сил региона.

Лишь одна книжка серии, вышедшей на протяжении 1948–1949 гг.¹, откровенно выбивается из колеи, ни в малейшей степени не соответствуя ее проблематике. Речь идет о брошюре «Краткий исторический очерк Иркутской области» Ф.А. Кудрявцева [18]. В то время как некоторые издания серии были авторефератами диссертаций, указанная брошюра являлась, фактически, переизданием одноименного раздела увидевшего свет еще накануне войны экономико-статистического справочника «Иркутская область» [19], с той лишь разницей, что изложение в брошюре охватывало уже и военные годы, и первое послевоенное пятилетие. Не будучи основана на исследованиях автора, компилятивная эта работа никак не могла обозначать переднего края исторических знаний о регионе, а своим преимущественным вниманием к административно-политической истории и революционному его прошлому – и претендовать на сколько-нибудь систематическое и последовательное изложение его хозяйственной истории. Брошюра явно не соответствовала ожиданиям, что очерки будут выгодно отличаться «конкретностью тем, их злободневностью и строго научным подходом к разрешению поднимаемых вопросов»², продемонстрировав, что местная историческая наука – в лице ее безусловного лидера тех лет – не двинулась дальше создания краеведческих историко-хронологических описаний, сопровождавших издание дореволюционных Памятных книжек Иркутской губернии.

Переиздание компилятивной работы Ф.А. Кудрявцева в рамках издательского проекта, духу и букве которого в полной мере соответствовала скорее его «Илимская пашня», не могло пройти незамеченным В.Н. Шерстобоевым. Тем более что редактором от издательства первого ее тома числился именно Кудрявцев, а выход ее в свет с регулярностью тем же издательством откладывался. Это событие, к тому же, хорошо укладывалось в один ряд с препонами, что ставились годом ранее на пути представле-

¹ С помощью библиотечных каталогов нами выявлено 12 изданий, вышедших в рамках серии.

² Бандо Е. Ценная библиотечка // Восточно-Сибирская правда. 1949. 25 мая.

ния ученым своего труда на конференции, целям и задачам которой тот целиком и полностью соответствовал, и заставили В.Н. Шерстобоева использовать для этих целей не официальную трибуну, а кулуары последней. Череда событий, связанных с конференцией 1947 г., сделала, на наш взгляд, индивидуальный исследовательский проект В.Н. Шерстобоева частью местного научного процесса, заставила ученого обнаружить противодействие взятым на вооружение принципам научности, задуматься о путях и способах их защиты и продвижения.

Прежде чем перейти, однако, к их обсуждению, несколько расширим представление об историческом контексте, выведя его за рамки местных, по сути, обстоятельств Конференции 1947 г., хотя и совпавших по времени с созданием всесоюзных по своей значимости научных институций (общенаучный контекст), и предметно нацелим его на область историко-экономических исследований (дисциплинарный контекст), которая и станет пространством «боев за историю» В.Н. Шерстобоева.

Дисциплинарный (историко-экономический) контекст

Экономическая историография, или историография экономической истории, рассматривает послевоенное двадцатилетие как весьма активный и продуктивный период развития этой научной дисциплины в нашей стране. Как справедливо заметил в свое время В.И. Бовыкин, «ни до, ни после этого у нас не наблюдалось такого размаха историко-экономических исследований. Их результаты получили отражение в кандидатских и докторских диссертациях, в десятках книг и множестве статей. Одновременно вышли в свет уникальные документальные издания...» [20, с. 16–17]. У истоков послевоенного дисциплинарного взлета стояли преимущественно экономисты П.И. Лященко, П.А. Хромов, С.Г. Струмилин, И.Д. Удальцов, Ф.Я. Полянский, И.Н. Шемякин, а также созданные и возглавляемые ими в этот период институции: сектор истории народного хозяйства Института экономики АН СССР, кафедра истории народного хозяйства и экономических учений МГУ, а также родственные кафедры в крупнейших столичных экономических вузах (институте народного хозяйства, государственном экономическом, финансовом, заочном финансово-экономическом), экономических же вузах Ленинграда и столиц союзных республик.

При этом особо следует отметить и тот факт, что интерес к историко-экономической проблематике не был сосредоточен в рамках немногочисленных специальных кафедр, а распространился на одну из самых массовых научных экономических специальностей тех лет – политическую экономию, что, помимо прочего, привело к установлению крайне продуктивных связей истории народного хозяйства (экономической

истории) не только с современностью, но с историей экономической мысли. Не случайно некоторые авторы именуют указанный период «институциональной оттепелью» как в экономической истории, так и в политической экономике [21]¹.

Историографический анализ, проведенный автором данной статьи [24], обнаружил крайне незначительную на данном этапе роль институциональной составляющей дисциплинарного контекста в деле организации и поддержки провинциальных историко-экономических исследований. Решающую роль в успехе инициативного исследовательского проекта, предпринятого тем же В.Н. Шерстобоевым, сыграли, прежде всего, личные, неформальные, отношения, установленные им в преддверии и в ходе Конференции 1947 г. с руководителем одной из таких структур – С.Г. Струмилиным, возглавлявшим сектор истории народного хозяйства Института экономики АН СССР. Эти научные контакты и позволили, в конечном итоге, успешно защитить в качестве докторской диссертации в Ученом совете института уже опубликованную историко-экономическую монографию, но ни в малой степени не способствовали тому, чтобы связать свою последующую научную деятельность с занятиями экономической историей, или хотя бы продолжать их без нареканий со стороны вузовского руководства за «уход в историзм».

Отсутствие в ИФЭИ, где работал В.Н. Шерстобоев, специальной историко-экономической кафедры, не говоря уже об отсутствии в Иркутске академических институтов гуманитарного или социально-экономического профиля, разрабатывающих историко-экономическую проблематику, оставляло возможность лишь для стихийной организации исследователей, работающих в разных областях этого обширного проблемного поля, для установления неформальных отношений между ними. Для определения взаимодействий между исследователями, которые складываются за рамками дисциплинарной системы, обеспечивающей формальную их организацию, история науки чаще всего использует метафору «незримый колледж». Не столько создателем или руководителем, сколько вдохновителем и научным лидером такого неформального научного сообщества, существующего на основе «сильных (внутри вуза) и «слабых» (за его пределами) интеллектуальных связей, довелось на старте 1950-х гг. выступить и В.Н. Шерстобоеву.

---

¹ Как представляется, игнорирование указанного, пусть и не очень продолжительного периода, историографами [22, с. 495–501], или их утверждения о бесплодности указанного периода в истории историко-экономических изучений в СССР, где последние целиком находились во власти марксистской методологии (да еще на фоне успехов в данной области начиная с 1950-х гг. американской и европейской исторической науки) [23, с. 182], обусловлены как раз узко цеховым, соответственно, «экономическим» и «историческим», взглядом на экономическую историографию.

Толчком к формированию «незримого колледжа» историко-экономических изучений стал проект подготовки двухтомной «Истории экономики Иркутской области», который был представлен В.Н. Шерстобоевым Ученому совету ИФЭИ в апреле 1951 г. Рассчитанный на три неполных года работы временного творческого коллектива и приуроченный к 300-летию города Иркутска, проект позиционировался автором как способный, во-первых, внести целеполагающее и объединяющее начало в научную работу института, а, во-вторых, привлечь своими историко-экономическими целями и задачами широкий круг научных работников города (преподавателей государственного университета, педагогического и сельскохозяйственного институтов, специалистов Восточно-Сибирского филиала АН СССР и местного отделения Всесоюзного географического общества) [25, д. 63, л. 47об.]¹.

Намеченным планам, однако, не суждено было реализоваться. Ровно через год с момента принятия плана действий стало понятно, что проект нежизнеспособен. В прениях на совете вуза по вопросу об итогах научно-исследовательской работы вуза за 1951–52 уч. год В.Н. Шерстобоев вынужден был констатировать, что «никаких практических шагов к его [двухтомника] изданию сделано не было». За прошедший год дело не продвинулось дальше обсуждения планов написания отдельных разделов и консультаций с инициатором и руководителем проекта, поисковая, а также архивная работа так и не начались. Беря часть ответственности за плачевное состояние дел на себя, ученый предлагал «с целью оживления работы» пересмотреть структуру издания и тематику отдельных его разделов. И хотя в качестве основной причины сложившейся ситуации, возлагавший основную долю ответственности на себя, руководитель называл «неорганизованность коллектива» [25, д. 74, л. 64-64об.], само намерение реанимировать проект путем пересмотра первоначальной его архитектуры свидетельствует скорее о переоценке им возможностей этого самого коллектива, нежели собственных управленческих способностей.

Обратим внимание на два практически совпавших по времени события, которые упомянутый год не просто вместил в себя, но которые, как представляется, объясняют реакцию и на фальстарт широкомасштабного проекта написания экономической истории Иркутской области, и на провал другого, уже частично завершённого проекта – написания при самом активном участии иркутских историков «Истории Бурят-Монгольской АССР», первый том которой, посвященный дореволюционному

---

¹ Материалы, посвященные проекту подготовки силами коллектива ИФЭИ двухтомной «Истории экономики Иркутской области» не были, к сожалению, обнаружены нами в личном архивном фонде В.Н. Шерстобоева, хранящемся в Государственном архиве Иркутской области (Ф. Р-2683).

периоду, вышел в свет в самом конце 1951 года [26]¹. Второе из этих событий, к тому же, может рассматриваться в качестве ключевого фактора зафиксированного экономической историографией и упомянутого выше послевоенного дисциплинарного «взлета» экономической истории.

Одним из этих событий стала успешная защита 14 ноября 1951 г. ученым в совете Института экономики АН СССР первого тома «Илимской пашни» в качестве диссертации на соискание степени доктора экономических наук, безусловно, вселившая уверенность в собственных силах, в правильности взятых на вооружение им – не профессиональным историком – исследовательских установок (притом, что утвержден и в ученой степени доктора наук, и в звании профессора он будет только в октябре 1952 г.). Второе событие – едва не помешало этой защите: члены ученого совета института в массе своей являлись активными участниками (как запишет ученый в своем импровизированном дневнике, который вел с 5 по 26 ноября 1951 г.) «месячника по дискуссии об учебнике полит[ической] экон[омии]», в силу чего «боялись..., что не соберется кворум» [27, д. 40, л. 4–4 об.]². Тем не менее, именно известная «экономическая дискуссия 1951 г.», причастным к которой В.Н. Шерстобоеву довелось стать помимо собственной воли и чьи отзвуки не могли не донестись до него (невзирая на отсутствие освещения мероприятия средствами массовой информации), вложила ему в руки оружие, которое он будет активно использовать полгода спустя уже в Иркутске в своих «боях за историю».

Политико-экономическая дискуссия 1951 года

Современные историки науки сосредоточили свое внимание преимущественно на двух аспектах экономической дискуссии ноября-декабря 1951 г.: идеологическом и экономико-теоретическом (и в этом случае

---

¹ Газета «Восточно-Сибирская правда», ссылаясь на информацию, почерпнутую со страниц главной газеты Бурят-Монгольской республики, сообщила об этом в заметке, опубликованной в номере от 14 декабря (Восточно-Сибирская правда. 1951. 14 дек.).

² Этот факт нашел отражение даже в стенограмме выступлений участников дискуссии от 15 ноября 1951 г. Зав. сектором Института экономики АН СССР М.И. Рубинштейн в своем выступлении как о факте, подтверждающем не только высокую загруженность сотрудников института разного рода собраниями и заседаниями, но и назревшую потребность в специализации экономического знания и институционального ее закрепления, говорил об участии накануне в рассмотрении докторской диссертации «Пашня Ильменского воеводства начала 17 и 18 вв.» (правильно: «Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века». – Д.М.). Не преминув добавить: «и это тогда, когда в ЦК происходит обсуждение важнейших вопросов экономической науки» [28, с. 228]. В.В. Покшишевский, выступавший на защите в качестве оппонента, в своем письме В.Н. Шерстобоеву от 17 декабря 1951 г. писал даже, что работа коллеги стала на совещании «символом необъятности экономики» [27, д. 279, л. 4об.].

ее чаще именуют дискуссией по политэкономии социализма). Между тем, как справедливо заметил еще в 1997 г. В.Н. Черковец в главе «После дискуссии. И.В. Сталин об экономических проблемах социализма в СССР» во «Всемирной истории экономической мысли», сама постановка вопроса о политической экономии социализма как особом разделе науки и учебной дисциплины политической экономии «требовал[а] ответа на ряд методологических и ключевых теоретических вопросов: о предмете политической экономии социализма, ее методе, цели и задаче, об основных категориях, принципах и логике ее систематизации, о структуре». Без обращения к последним роль «корифея науки» невольно свелась бы к политико-идеологическому сопровождению дискуссии, а вклад в нее – к «соломонову решению» трудных, но частных научных проблем. Поэтому, «именно вышеназванные более общие, подчас философско-социологические, абстрактно-теоретические вопросы» не просто задали направленность дискуссии, но и позволили Сталину встать над схваткой, выступив «селекционером идей, прозвучавших в дискуссии, и, сделав “выбор”, высказа[ть] свою точку зрения» [22, с. 45].

Основополагающим в этом смысле стал вопрос об объективном характере экономических законов. Не найдя ответа в ходе дискуссии, где по его поводу высказывались диаметрально противоположные точки зрения, он был однозначно решен в сталинских «Замечаниях по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года»: «Марксизм понимает законы науки, – все равно идет ли речь о законах естествознания или о законах политической экономии, – как отражение объективных процессов, происходящих независимо от воли людей. Люди могут открыть эти законы, познать их, изучить их, учитывать их в своих действиях, использовать их в интересах общества, но они не могут изменить или отменить их» [29, с. 4]. Законы науки стали служить мерилom, в соответствии с которым можно было судить об истинности идей, включая самые фундаментальные идеи марксизма-ленинизма.

Примечательно, что «общеизвестные истины» материалистического понимания истории И. Сталин вынужден был повторять неоднократно. Называя законы политической экономии законами экономического развития, он, подчеркивает, что независимо от исторического периода – капитализма или социализма – законы развития носят объективный характер, выражают сущность экономических процессов, совершающихся независимо от воли и сознания людей. И практически дословно воспроизводит озвученную двумя абзацами ранее формулу исторического материализма, словно подтверждая, что место субъективизма прочно занято воззрением на социальный процесс как на естественноисторический, детерминированный взаимодействием человека с природной средой. Соответственно, первым экономическим законом провозглашается зависимость определенного типа производственных отношений от характера и уровня развития производительных сил, именовавшаяся

«законом обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил» [29, с. 7].

Упоминутая тавтологичность первого из «Замечаний по экономическим вопросам...», касавшегося характера экономических законов, объяснялась их автором недостаточной марксистской подготовкой молодых советских и партийных кадров, необходимостью их «воспитания в духе марксизма-ленинизма», а повторение, если следовать известной поговорке, – мать учения. Ход экономической дискуссии и «заочное» участие в ней инициатора – И.В. Сталина, внимательно, с карандашом в руке, работавшего с ее стенограммами, заставляют, однако (после знакомства с последними), считать объяснение явно недостаточным, если не надуманным¹. Как представляется, одно из удачных (хотя и выраженное в излишне мягкой, на наш взгляд, форме) объяснений того, что скрывалось за словами вождя, дал уже цитировавшийся нами В.Н. Черковец, полагавший, что на деле И.В. Сталин вынужден был противостоять отчетливо обозначившейся в советском обществоведении тенденции к утрате традиции материалистического понимания истории [22, с. 54]. Уточним и добавим: материалистического понимания истории как метода, как раз и состоящего в том, что в основе общества и общественной жизни лежит определенный способ материального производства, который изучается экономической наукой.

Одной из главных жертв этой тенденции, если не считать, конечно же, самой экономической науки, стала история, которая совершенно неоправданно в силу господства истмата как своего рода марксистской метафизики истории едва ли не вся признавалась экономической. Поэтому ход и результаты экономической дискуссии 1951 г. не могли не отразиться на истории, будь та частью исторической науки и ее научных институций или субдисциплиной науки экономической, развивавшейся в

---

¹ Отнюдь не молодым и плохо образованным марксистским кадром являлся, например, академик Марк Борисович Митин, автор многочисленных работ по диалектическому и историческому материализму, стенограмма выступления которого привлекла особое внимание вождя. Сначала карандаш последнего поправил очевидные опечатки в первом предложении, изменившем, в их следствии, смысл на прямо противоположный: «Конечно, и при социализме общественное бытие определяется общественным сознанием. Этот исходный пункт материалистического понимания истории действует в социалистическом обществе, он будет действовать и при коммунизме». Однако, после знакомства с продолжением Сталин не только усомнился в вине стенографистки, поставив на полях вопросительный знак, но и перечеркнул это продолжение, снабдив исчерпывающей характеристикой: «Глупость». Приведем этот фрагмент: «...в социалистическом обществе исходный пункт материалистического понимания истории об общественном бытии и общественном сознании требует [некоторого дополнения]. Дополнение это состоит в том, что необычно возрастает [творческая роль передовой общественной теории в том, что коммунистическая партия, опираясь на познанные законы] социалистического бытия, на познанную закономерность экономической жизни, используя, по выражению товарища Сталина, до дна творческий характер марксистской теории и научные предвидения, строит всю экономическую жизнь нашей страны на основе научно разработанных планов» [28, с. 302].

рамках институтов последней; не коснуться интеллектуальных биографий историков-экономистов или экономистов-историков, тематики их научных исследований и т.д. Историки науки уже обратили внимание на существование такой связи, рассматривая, например, творчество историка Б.Ф. Поршнева, под влиянием критики за ошибки идеалистического характера, выразившиеся в отрыве классовой борьбы (изучение которой и составило ему имя в науке) от развития производительных сил и производственных отношений, обратившегося к изучению политической экономики феодализма. Работа И. Сталина, полагает автор статьи, «дала в руки замученных советских гуманитариев сильное догматическое оружие против гипертрофии идеи классовой борьбы как единственного заслуживающего внимания двигателя исторического процесса. Во всяком случае, появилась возможность, апеллируя к авторитету вождя, заняться социально-экономической историей» [30, с. 95].

Второй исторический кейс еще более примечателен и, прежде всего, тем что имеет дело с историком, являвшимся непосредственным участником экономической дискуссии, выступавшим с докладом на одном из ее заседаний. Специализировавшийся на экономической истории, возглавлявший кафедру истории СССР в главном вузе страны и являвшийся заместителем директора Института истории АН СССР А.Л. Сидоров, по мнению автора статьи, призван был стать главным «прилагателем» политико-экономических идей вождя к истории. Уже в статусе руководителя центрального научно-исследовательского учреждения страны в области истории ученый был призван скорректировать программу его научных работ в соответствии с результатами экономической дискуссии, т.е. ключевыми положениями работы И.В. Сталина, в сторону усиления исследований «не просто экономической проблематики, но истории нового и новейшего времени». Применительно к своему герою историограф рассматривает участие в дискуссии и «утилизации» ее результатов в качестве инструмента карьерного (партийно-административного = научного) роста: «...Сидоров не мог оказаться в стороне от дискуссии по политэкономии, поскольку должен был поддержать свое научное и статусное реноме будущего директора Института истории и специалиста по экономической истории» [31, с. 347].

«Бои за историю»

Историографический случай, к рассмотрению которого мы переходим, выгодно отличается от перечисленных в нескольких отношениях. И, прежде всего, тем, что был практически свободен от идеологических влияний или карьерных соображений: его главный герой – В.Н. Шер-

стобоев – был движим исключительно интересами науки экономической истории. В силу чего мы ограничим его (случая) рассмотрение рамками (хронологическими и содержательными), которые установил он сам, не преследуя никаких иных, кроме научных, целей. Хотя многие из вовлеченных в ниже рассмотренные события, руководствовались, как это часто бывает, соображениями, предельно далекими от научных, а сами эти события имели многие и разнообразные последствия, к науке и целям, преследовавшимся В.Н. Шерстобоевым, также имевшие крайне слабое отношение. Достаточно упомянуть, что события эти протекали на фоне сопровождавшейся преследованием представителей научной интеллигенции по обвинению в буржуазном национализме политико-идеологической кампании против эпоса «Гэсэр», критики в адрес Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры (БМНИИК) как центра изучения последнего, а также обострения борьбы в партийно-государственном руководстве БМАССР, завершившейся сменой первых лиц республики.

Еще одной отличительной особенностью нашего историографического кейса, с которой мы и начнем его рассмотрение, стало обращение к восстановленным в своих правах методологическим установкам марксистской политической экономии как основаниям историко-экономических реконструкций задолго до выхода в свет брошюры И. Сталина, и начала широкого распространения содержащихся в ней идей, с помощью имевшихся в распоряжении партийного и советского аппарата средств. Это свидетельствовало о приоритетности для ученого скорее духа марксизма, нежели буквы обретшего силу официального документа труда вождя: начало «боев за историю» совпадает по времени с началом распространения содержания еще неопубликованных сталинских «Замечаний по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 года» (датированных, как известно 1 февраля 1952 г.) через партийные организации вузов по линии обкомов ВКП(б).

Метафора «бои за историю», используемая в заголовке статьи и в ее тексте для обозначения начавшегося открытого противостояния В.Н. Шерстобоева местному сообществу историков, строго соответствует первоначальному использованию выражения историком Л. Февром, которым тот охарактеризовал свое научное кредо. С некоторыми и немаловажными, однако, отличиями. Французский ученый на протяжении первой половины XX в. вел борьбу с эрудитской историографией, укрывавшейся от действительности за каталогами с выписками из древних текстов преимущественно путем наполнения истории проблематикой, связанной с жизнью современного общества и диктуемой глубинными его запросами. В.Н. Шерстобоев, уже во второй половине столетия, – преимущественно путем обращения к естественнонаучному и социальному знанию, воз-

вращающему в практику историописаний научный подход к изучению предмета и превращающему историческое знание в науку.

Главной мишенью критики останется, по существу, все тот же позитивизм, официально осуждавшийся, но являвшийся фундаментальной установкой большей части историков, ограничивавших исследовательские задачи поиском и компиляцией источников. Сама критика, однако, обретет отчетливо выраженную сциентистскую направленность, усматривающую основной порок местной исторической науки в поверхностности и ненаучности используемых ею приемов и способов познания прошлой реальности, в отсутствии опоры на аналитические возможности методологии исторического материализма¹, а также на географическое, экономическое, статистическое, агрономическое и пр. специальное знание. Позитивистская (эрудитская, историзирующая, компилятивная) история была не вправе претендовать на статус научной историографии в силу ее неспособности дать объяснение историческим событиям, явлениям и процессам на основе анализа изменяющихся социальных отношений.

Местные «бои за историю» могли грянуть на страницах рецензии (и ею ограничиться) на упомянутый выше первый, посвященный дореволюционному периоду, том «Истории Бурят-Монгольской АССР», а точнее – шести его глав, большей частью написанных позиционировавшим себя ведущим специалистом по истории бурят-монгольского народа и лидером иркутских историков Ф.А. Кудрявцевым. Статья рядовой и затеряться, будучи опубликованной, на страницах местных малотиражных вузовских изданий, этой рецензии было, однако, не суждено. Обилие претензий к работе и основному ее автору, появившихся в процессе подготовки отзыва, а также «окно возможностей», открывшееся в результате экономической дискуссии 1951 г., заставили В.Н. Шерстобоева в феврале 1952 г. совершить поездку в Улан-Удэ для работы в архиве с целью проверки по первоисточникам материалов, изложенных в книге [25, д. 68, л. 39]. И практически сразу после этого инициировать обсуждение книги, а также методологических установок и методических подходов Ф.А. Кудрявцева, ставшем своего рода провинциальным «отзывком» столичной дискуссии (заметим, проходившей под лозунгом «Наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики» [22, с. 28]). Обсуждение также ограничилось приглашением

---

¹ Если, конечно же, не понимать под таковой использование идей и терминологии официального истмата при изучении истории классов и классовой борьбы, народных движений, революций, идеологий, форм эксплуатации и т.п., и не утверждать на этом основании, что «историографическая техника работы с историческими источниками и фактами у марксистских историков в принципе не отличалась от любых других (позитивистских? – Д.М.) историков» [32, с. 10].

представителей лишь профессионального (исторического) сообщества и не имело широкого резонанса, вот только центральная дискуссия велась вокруг проекта будущей книги, в то время как в Иркутске обсуждалась уже опубликованная, которая, однако, по его итогам будет признана браком.

Площадкой проведения дискуссии стал постоянно действующий семинар преподавателей (истории) высших учебных заведений при областном комитете партии, в послевоенные годы уже не ограничивавшийся функциями партийного контроля над научной и вузовской интеллигенцией или ее своевременного политико-идеологического информирования. Переданный из ведения отдела пропаганды и агитации в сферу компетенции отдела высшей школы и научных учреждений, семинар включил в орбиту своей деятельности уже не только преподавателей основ марксизма-ленинизма, но и истории, политэкономии, конкретных экономик, лингвистики, литературы, философии и ряда других вузовских дисциплин социально-гуманитарного профиля. На организованных большей частью по дисциплинарному принципу заседаниях проходили обсуждения публичных и учебных лекций преподавателей, кандидатских и докторских диссертаций, планов / состояния научной, учебной и воспитательной работы кафедр, результатов экзаменационных сессий, учебных программ по дисциплинам и методики их преподавания и т.д., то есть вопросов преимущественно научного, учебного и организационного характера.

О том, что обсуждение, инициированное В.Н. Шерстобоевым, сколь бы эмоциональный и нелицеприятный характер оно порой ни принимало, имело сугубо научную направленность, а не являлось частью какой бы то ни было политико-идеологической кампании, красноречиво свидетельствует тот факт, что, растянувшись на три заседания, обсуждение практически не нарушило ежемесячного графика работы семинара: если первое из посвященных обсуждению первого тома «Истории Бурят-Монгольской АССР» заседание состоялось 12 марта, то следующие – уже в следующем месяце: 23 и 26 апреля 1952 г. Более того, апрельские заседания со всей очевидностью продемонстрировали стремление оппонентов В.Н. Шерстобоева за счет расширения круга не только участников дискуссии (пускай и заочных – обсуждение книги началось и в БМАССР, главная газета которой опубликовала 13 апреля обширную критическую статью группы бурятских историков «За марксистское освещение истории Бурят-Монгольской АССР» [33]), но и несущих ответственность за провал интеллектуального предприятия, а также круга рассматриваемых тем и проблем, не только «перевести стрелки», но и сделать обсуждение беспредметным. Не обошлось и без попыток перейти в контрнаступление, встав на скользкий, но столь привычный путь переноса научной дискуссии в идеологическую плоскость.

Наибольший интерес с точки зрения предпринятого исследования представляет, поэтому, обсуждение, проходившее 12 марта 1952 г., на котором В.Н. Шерстобоев подверг критическому разбору главы с VI по XI «Истории Бурят-Монгольской АССР» и подходы к их написанию, уже многие годы используемые автором – Ф.А. Кудрявцевым¹. В его преддверии, направляя в адрес Отдела высшей школы и научных учреждений Иркутского обкома ВКП(б) тезисы своего выступления, ученый сопроводил их запиской, содержащей список лиц, которых хотел бы пригласить на семинар историков «со своей стороны». Вряд ли кто-либо из их числа мог претендовать на роль единомышленника В.Н. Шерстобоева или соратника по борьбе за историю. Скорее, перечень включал «производителей печатной продукции» и «поставщиков архивного сырья», которые могли и должны были чувствовать ответственность за порчу (или замену «суррогатом») последнего и низкое качество конечного научно-исторического продукта, предлагаемого его создателями в Иркутске. Таковая роль им отводилась И.В. Арембовскому (Областной краеведческий музей и Восточно-Сибирское отделение РГО), К.В. Чуйко и А.А. Ровинскому (Областное государственное издательство), А.В. Самоделкину (Архивный отдел УВД Иркутского облисполкома). Возглавлял список приглашенных директор БМНИИК П.И. Хадалов, участия в семинаре, по всей видимости, не принимавший². Присутствующая в нем старший лаборант ИФЭИ А.А. Шинягова выполняла, скорее всего, обязанности стенографистки. В последний момент в число участников семинара, очевидно по настоянию обкома, был включен и заместитель директора ИФЭИ по научной и учебной работе Н.И. Таланин [27, д. 165, л. 18–19].

Впрочем, сами упомянутые позиции (В.Н. Шерстобоевым названные «требованиями», т.е. обязательными для выполнения) определились много ранее, уже по ходу критического прочтения книги и архивной проверки изложенных в ней фактов, будучи озвучены в докладе, сделанном им в Улан-Удэ, в БМНИИК еще 6 февраля 1952 г., и немногим более месяца спустя не претерпели существенных изменений. И вряд ли предшествующее изложение позволит читателю удивиться тому, что

---

¹ Исключением стали глава шестая, написанная в соавторстве с Г.Н. Румянцевым (речь о котором еще пойдет на страницах статьи), а также раздел главы седьмой «Основание Кяхты и кяхтинская торговля с Китаем», подготовленная к тому времени уже покойным Е.П. Силиным. Впрочем, выделяя главы, написанные Ф.А. Кудрявцевым, ученый многие из претензий к приемам их составления предъявлял и к другим разделам книги и их авторам: «Шестая глава является точной копией, подражанием писаниям Федора Александровича. Так писал Хаптаев начало XII главы и последующие главы. Это сколок с порочной методики Кудрявцева» [27, д. 165, л. 39].

² Можно предположить, однако, присутствие П.И. Хадалова на одном из апрельских заседаний, т.к. именно в апреле 1952 г., как это следует из переписки В.Н. Шерстобоева с заместителем директора БМНИИК Г.И. Румянцевым, состоялась его встреча с Шерстобоевым [27, д. 227, л. 3].

два из трех этих требований настаивали на возвращении в исторические исследования базовых установок материалистического понимания истории, только и позволяющих обнаружить главные тенденции и закономерности сложного и противоречивого исторического процесса. В сжатом, конспективном виде они гласили: «1) Маркс[истско]-ленин[ская] методология (исторический материализм), т.е. материальная история (история х[озьяйст]ва). 2) Смена экономических формаций» [27, д. 165, л. 1]. Материалистическое понимание истории, таким образом, заключается в том, что в основе общества, общественной жизни и общественного развития лежит определенный способ материального производства, который в приоритетном порядке изучается исторической наукой. Рассмотрение же политических отношений как отражения экономических, что и получило название материалистического понимания истории, distraивает историческое изучение до политико-экономического анализа. Не случайно, поэтому, невыполнение двух указанных «требований» в резюмирующей части конспекта своего доклада в БМНИИК В.Н. Шерстобоев определит одним коротким предложением: «Неправильная полит[ико]-экон[омическая] оценка» [27, д. 165, л. 2].

Немногим более месяца спустя, уже на семинаре историков в Иркутске, В.Н. Шерстобоев к числу «основных методологических ошибок» работы отнесет попросту отсутствие в ней истории хозяйства (экономики) как бурят-монгольского, так и русского населения. Автор (Ф.А. Кудрявцев) «...не дает характеристики изменений в экономике Бурят-Монголии на протяжении XVII–XIX веков, ограничиваясь на протяжении VI–XI глав повторением одного и того же положения, что коренных изменений в хозяйстве бурят-монголов не произошло» [27, д. 165, л. 9]. Им будет проигнорировано своеобразие сибирского хозяйства, сводимое единственно к отсутствию в Сибири помещиков, при наличии безусловного гнета поместной системы; переоценен рост экономики крепостной России и, напротив, недооценены «целесообразность и сравнительно высокая развитость производства у бурят и эвенков, искусство народов в организации скотоводства и охоты» [27, д. 165, л. 10], чье хозяйство на протяжении веков демонстрировало, по мнению автора, лишь отсталость и экстенсивность. Отсутствие фундамента – в виде истории хозяйства – сделало шаткой и непрочной всю архитектуру работы, лишило материальных оснований анализ всех других подсистем общественных отношений.

Однако, даже правившая бал ненаучная методология позитивизма была лишена в работе сколько-нибудь прочного основания – точных фактов. Это было еще одно «требование» В.Н. Шерстобоева к историческому исследованию: «оно должно быть построено на основе марксистско-ленинской науки, оно должно отражать правильно исторические факты» [27, д. 165, л. 41]. Другими словами, историк не находит факты

в готовом виде в источнике, исторический факт – это уже результат работы с ним историка, его проверки на правильность – достоверность и точность. Вот как он характеризует работу Ф.А. Кудрявцева с цифровой, статистической информацией: «Ни одной цифры правильной в книге нет. Неумение автора использовать цифры бросается в глаза. Ведь цифры нужно не просто брать, их нужно выбрать, вывести, сопоставить. Случайные цифры всегда ошибочны... Такова порочная статистика, неумение владеть исторической статистикой хотя бы в элементарной форме» [27, д. 165, л. 38].

Впрочем, эти «неумения» и «незнания» историка были, по мнению В.Н. Шерстобоева, поистине тотальными, касались всех сторон трактуемого им предмета – истории Сибири в целом или конкретно Бурят-Монголии. Именно в связи с этой профессиональной некомпетентностью прозвучат в докладе на семинаре самые «резкие» (как их определяют оппоненты) заявления (или «обвинения», как он определит их сам) в адрес Ф.А. Кудрявцева: «Вы несведущий человек. Вы не потрудились овладеть простыми элементами знания о нашем крае. Это тяжелое обвинение. Но это я говорю без всякого ажиотажа и в доказательство могу привести бесконечное количество фактов¹. Вы не знаете ни географии нашей территории, ни данных о населении, не знаете ни родов, ни волостей, не знаете устройства уездов, не знаете изменения волостных управлений, не знаете системы губернского управления, не знаете системы управления посадскими, не знакомы с вопросами церковных и монастырских дел, которые являются какой-то частью общей истории» [27, д. 165, л. 38–39].

Претендующий на статус исследователя историк, в той мере, в какой этого требует предмет его изучения, должен быть статистиком, экономистом, географом, этнографом или лингвистом, и лишь вооружившись научными познаниями в этих областях двигаться от них к источникам, со всей определенностью формулируя вопросы, ответы на которые намерен получить с их помощью. В противном случае – он превращается «недобросовестного компилятора», которому «расплывчатость, ускользаемость, неконкретная, неясная постановка [проблемы] дают возможность... применять совершенно недопустимый в советском исследовании прием работы – именно применение так называемого вставочного метода» [27, д. 165, л. 34]. Так В.Н. Шерстобоев приступает к обсуж-

---

¹ Во 2–5 разделах конспекта своего доклада на семинаре, идущих вслед за разделом, указывающим на методологические ошибки, В.Н. Шерстобоев скрупулезно перечисляет их, озаглавив разделы: «Ошибки в освещении географии, составе населения и управления Восточной Сибири», «Ошибки в изложении хозяйства, управления и повинностей населения», «Сельское хозяйство, рыболовство, промышленность и торговля», «Неправильная терминология, неудачные и бессмысленные выражения и слова» [27, д. 165, л. 10–16].

дению еще одного ключевого изъяна разбираемой работы, обозначенного им как «порочная методика Кудрявцева». Руководствуясь последней, тот, по его мнению, «...подает материал не как исследователь, а как лицо, которое собирает вставки, он строит изложение, заимствуя его из различных, некритически взятых, несопоставимых между собою документов, т.е. он действует не как историк. Поэтому возникает грубый, может быть, вопрос: историк ли это писал?» [27, д. 165, л. 35].

За «вставочным методом», как его определяет и описывает В.Н. Шерстобоев, скрывается компилятивный метод «ножниц и клея», создающий, а точнее – конструирующий историю с помощью подбора и комбинирования исторических свидетельств из разнообразных источников, большей частью, вторичных¹. Прочно утвердившийся в исторической науке едва ли не с античных времен, метод лишь в XX столетии в ходе попыток онаучивания истории был подвергнут критике приверженцами различных эпистемологических установок, единых в своем неприятии стремления историков-компиляторов получить знание в готовом виде в источниках. Это, как полагал, например, Р. Дж. Коллингвуд (и, думается, под его словами без тени сомнения подписался бы и В.Н. Шерстобоев), «... лишает историка ножниц и клея возможности претендовать на звание научного историка, ибо именно это обстоятельство лишает его той автономии, которая является существенной чертой всякой научной мысли. Под автономией я понимаю такой вид научного мышления, когда исследователь опирается на собственный авторитет, высказывает определенные положения или предпринимает какие-то действия по своей инициативе, а не потому, что эти положения и действия санкционированы или предписаны кем-то посторонним. Отсюда следует, что научная история вообще не содержит никаких готовых утверждений. Для научного историка акт включения готового утверждения в структуру его собственного исторического знания невозможен как таковой» [34, с. 261].

Вместо заключения: неизвлеченные уроки

Цель предпринятого критического разбора содержания первого тома «Истории Бурят-Монгольской АССР», точнее – шести его глав, написанных Ф.А. Кудрявцевым, а также методологических и методических

---

¹ В стенограмме доклада В.Н. Шерстобоева на семинаре находим: «У читателей сложится представление, что опубликованный том «Истории БМАСР» написан на основе архивных источников, хранящихся в архивах Москвы, Ленинграда, Читы, Улан-Удэ, Иркутска, что работа написана с привлечением нового архивного материала. А на самом деле при освещении XVII – XVIII вв. не привлечено ни одного нового документа. Если и приведены выдержки из документов, то они переписаны из других источников» [27, д. 227, л. 35-36].

подходов последнего¹, ставших причиной провала исследовательского проекта, В.Н. Шерстобоев видел много шире простого установления виновника научного брака. «Пример ФАК'а» (так в источнике. – Д.М.), недостатки работ которого стали очевидны ученому практически с первых собственных шагов по стезе историка, должен был стать «уроком», на котором надлежало «выучиться» всем. «В своем докладе, – подчеркивает он, – я старался, [насколько] это было в моих силах, доказать, что это – старинная наша болячка, что это система, ставшая методикой, и что нужно разоблачить эту порочную методикку для того, чтобы выучить на ней самих себя и в первую очередь – Кудрявцева» [27, д. 165, л. 33].

Состоявшаяся дискуссия продемонстрировала, однако, что ни учиться на чужих ошибках, ни даже признавать их, сообщество местных историков, ведомое руководителем секции В.И. Дуловым было не намерено. «Под тяжестью улик» вынужденные признать прямые ошибки в цифрах, фактах и датах (во многом простительные, на их взгляд, в силу возможных опечаток, скорее научно-популярного, нежели строго научного характера² издания, и, наконец, элементарной «неряшливости» автора), иркутские историки не просто не согласились с наличием в работе принципиальных методологических ошибок, но, перейдя в контрнаступление, в лучших традициях политико-идеологических дискуссий обвинили самого В.Н. Шерстобоева в буржуазном объективизме и экономизме. Не найдя, что противопоставить выдвинутым тем требованиям к историческому исследованию, а, фактически – марксистскому проекту научной истории, они не нашли ничего лучшего, как отказать ему в оригинальности и поставить на одну доску с программой бурятского буржуазного националиста М.Н. Богданова [27, д. 165, л. 30об; 36, с. 81–82].

Заведующий отделом науки и высших учебных заведений Иркутского обкома ВКП(б) И.Е. Макаров, которому выпала нелегкая миссия подвести итоги дискуссии, думается понимая, что ожидать появления иной, нежели политически и идеологически удобная, хотя и научно бесплодная, история ножниц и клея, не приходится, вынес Ф.А. Кудрявцеву максимально «суровый» в таких обстоятельствах приговор: «повинен в неряшливом отношении к порученной работе». При этом посчитав, что «прошедшее обсуждение послужит для него большим и полезным уроком». Доля ответственности была возложена и на университетских историков, «которые не развернули критики по его работе еще до выхода в свет книги» [35, с. 81–82].

---

¹ В своем датированном 15 марта 1952 г. письме А.У. Хахалову – вновь назначенному первому секретарю Улан-Удэнского обкома ВКП(б), откликаясь на просьбу о присылке конспекта доклада на семинаре историков, В.Н. Шерстобоев со всей определенностью пишет о «неправильных методологических основах книги» [27, д. 241, л. 1].

² «История Бурят-Монгольской АССР» была задумана как юбилейное издание, приуроченное к 25-летию республики, которое должно было отмечаться в 1948 г.

Интерес представляет и другое «частное определение», вынесенное в адрес БМНИИК, который избежал бы научного брака, не ограничь он круг участников научного проекта по написанию «Истории Бурят-Монгольской АССР» узкой группой исследователей и обратиться к «историкам Иркутска». Под последними, помимо прочих, подразумевался, думается, и В.Н. Шерстобоев. И уже через месяц после последнего третьего заседания семинара ему поступит из БМНИИК предложение принять участие в подготовке второго, дополненного и переработанного издания первого тома работы. Характер этого предложения, как представляется, не оставлял у его инициаторов, прекрасно знакомых с научной позицией ученого, ни тени сомнения в том, что оно будет им отклонено. В письме заместителя директора БМНИИК Г.Н. Румянцева Шерстобоеву предлагалось написать главу «Бурят-Монголия в XVII–XVIII вв.» объемом до 2,5 а.л. в предельно сжатые сроки – за четыре месяца, до 1 октября 1952 г. [27, д. 227, л. 3]. Всего только месяц назад, наглядно продемонстрировавший авторам «Истории Бурят-Монгольской АССР», что собранная с помощью ножниц и клея компилятивная поделка не может являться серьезной научной работой, он был вынужден вновь объяснять одному из них: «Такую главу я мог бы написать лишь после изучения документов, хранящихся в архивах Улан-Удэ, Иркутска и Москвы, на что требуется примерно два года. В результате такого изучения становится возможным написание не только краткой главы для I тома «Б-М АССР», но и крупной монографии о хозяйстве бурят в XVII–XVIII веках» [27, д. 227, л. 1–1об].

Иркутские историки в начавшемся по окончании дискуссии и растянувшемся на десятилетие противостоянии с В.Н. Шерстобоевым избрали иную стратегию поведения – цеховой, профессиональной замкнутости, которая позволяла дистанцироваться от неисториков как непрофессионалов. Изучение прошлого было объявлено исключительной прерогативой историков, выполняющих свою профессиональную работу – исследующих историческим методом исторические источники. Обнаружившая безусловное интеллектуальное превосходство В.Н. Шерстобоева над оппонентами, справедливость выдвинутых им претензий, дискуссия лишь сплотила ряды историков, расценивших обращение экономиста к изучению прошлой реальности не иначе как вторжение со своим уставом в чужой монастырь. Дискуссия фактически обозначила его разрыв с местным сообществом историков, регулярно «напоминавшем» об отсутствии у него исторического образования, его принадлежности к иной профессиональной группе, прибегавшем к извечной в таких случаях тактике замалчивания его исторических работ и заслуг.

Начало этой линии в поведении историков берет свое начало, по всей видимости, с состоявшегося в ноябре все того же 1952 г. очередного заседания исторической секции семинара при областном комитете

партии, обсуждавшего доклад новоиспеченного кандидата исторических наук И.И. Кузнецова «О специфике и задачах исторической науки»¹, тема которого читается как «наш ответ» Шерстобоеву (хотя ни текстом доклада, ни стенограммой обсуждения мы, к сожалению, не располагаем). Это впечатление не кажется нам обманчивым и перерастает в уверенность после знакомства с небольшой заметкой того же автора в № 1 журнала «Вопросы истории» за 1955 г. в рубрике «Научно-исследовательская работа историков на местах». Перечислив труды местных историков последних лет (большой частью еще незавершенные и неопубликованные), автор в заключении выражает сожаление по поводу невнимания к ним со стороны столичных ученых: «Последняя рецензия на научный труд иркутских историков появилась в 1948 г. (рецензия А. Гальперина на книгу Е. Силина “Кяхта в XVIII в.”). С тех пор в Иркутске вышло немало интересных исследований, которые заслуживают внимания» [36, с. 179]. И ни слова, ни полслова не пишет о том, что в 1950–1953 гг. на страницах центральных изданий «Вопросы географии», «Вопросы истории», «Советская книга» и «Советская этнография» увидели свет развернутые рецензии на первый том «Илимской пашни: Пашня Илимского воеводства XVII и начала XVIII века» (1949) иркутского неисторика² В.Н. Шерстобоева таких видных историков как В.В. Покшишевский, В.И. Шунков, Н.И. Павленко и С.А. Токарев.

Не столько сами по себе «бои за историю» 1952 г., сколько избранная по окончании дискуссии историками поведенческая стратегия позволяют объяснить паузу как в научно-историческом процессе, как и в историческом книгоиздании в Иркутске, затянувшуюся до 1954 г. Выбор профессиональной замкнутости стал своего рода методологическим выбором в пользу модели позитивистской истории – описательной, событийной, эмпирической, «рассказывающей факты», а чаще всего, просто пересказывающей источники. Этим объясняется последующее смещение научных и, соответственно, издательских приоритетов в сторону историко-революционной и историко-партийной проблематики, а исследовательского внимания к современному периоду истории; вытеснение научных монографий научно-популярными изданиями историко-краеведческого характера и т.д. Ясно обозначился вектор развития местной исторической науки в последующие десятилетия. Предпринятая

¹ Восточно-Сибирская правда. 1952. 11 нояб.

² Любопытно отметить, что за пять лет до описываемых событий в аналогичной заметке и в том же журнале другой их участник – В.И. Дулов помещает имя В.Н. Шерстобоева как исследователя проблемы «История сельскохозяйственного освоения Предбайкалья», на основании анализа документов Илимского воеводства реконструирующего картину крестьянской колонизации Восточной Сибири в XVII веке, в один ряд с другими иркутскими историками, ни словом не упоминая о его принадлежности к иной профессиональной группе [37, с. 149].

В.Н. Шерстобоевым попытка вырвать последнюю из цепких объятий научно бесплодного позитивизма – историографии ножниц и клея, вернуть на пространство научной истории путем возвращения к теоретико-методологическим основаниям марксизма, к материалистическому пониманию истории как методологии исторического исследования, оказалась безуспешной. Его «бои за историю» заслуживают, однако, самого пристального внимания со стороны историков науки, поскольку, являясь локальными по масштабу, не были таковыми по значению, выступая одним из сражений «научных войн» позднесталинского периода, историю которых еще только предстоит написать.

Список использованной литературы и источников

1. Майдачевский Д.Я. В.Н. Шерстобоев и его «Илимская пашня» в терниях позднесталинской эпохи / Д.Я. Майдачевский // Иркутский историко-экономический ежегодник : 2018. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2018. – С. 16-30.
2. Pollock E. Stalin and the Soviet science wars / E. Pollock. – Princeton ; Oxford : Princeton University Press, 2006. – VIII, [2], 269 с.
3. Поллок Э. Сталин и советские научные войны / реф. О.В. Большаковой // Наука в СССР : Современная зарубежная историография : сб. обзоров и рефератов / РАН ИНИОН ; отв. ред. Большакова О.В. – Москва, 2014. – С. 112-118.
4. Кожевников А.Б. Игры сталинской демократии и идеологические дискуссии в советской науке: 1947–1952 гг. / А.Б. Кожевников // Вопросы истории естествознания и техники. – 1997. – № 4. – С. 26-58.
5. Васильева Е.В. Наука и власть / Е.В. Васильева // История Дальнего Востока России. Т. 3, кн. 4 : Мир после войны: дальневосточное общество в 1945-1950-е гг. / под. общ. ред. В.Л. Ларина ; отв. ред. А.С. Ващук. – Владивосток : Дальнаука, 2009. – С. 502-516.
6. Ханин Г.И. «Оттепель» и «перестройка» начались ... при Сталине? (в порядке гипотезы) / Г.И. Ханин // ЭКО. – 2005. – № 9. – С. 70-100.
7. Савельева И.М. Стала ли история социальной наукой? Энергичные объятия сциентизма / И.М. Савельева // Диалог со временем. – 2015. – № 50. – С. 9-33.
8. Афанасьев А.Н. История как строгая наука : опыт сциентизации исторического знания в трудах Б.Ф. Поршнева / А.Н. Афанасьев // Диалог со временем. – 2019. – Т. 69, № 4. – С. 268-283.
9. Книги, изданные в Иркутске в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – май 1945гг.) : каталог / [сост.: А.З. Скаллер, И.А. Погодаева ; ред. : Л.А. Казанцева, И.В. Андрианова]. – Иркутск : Иркутская областная государственная универсальная научная библиотека, 2010. – 43 с.
10. Шарапов И.П. Очерки по истории Ленских золотых приисков / И.П. Шарапов. – [Иркутск] : Иркут. обл. гос. изд-во, 1949. – 206 с.
11. Покшишевский В. В. Заселение Сибири : (Ист.-геогр. очерки) / В.В. Покшишевский ; под ред. В. А. Кротова. – [Иркутск] : Иркут. обл. гос. изд-во, 1951. – 203 с.

12. Скалон В. Русские землепроходцы – первые исследователи Сибири / В. Скалон // Восточно-Сибирская правда. – 1948. – 20 апр.

13. Яцунский В.К. Изучение местной истории в СССР (Обзор по РСФСР, УССР и БССР за послевоенные годы) / В. К. Яцунский // Вопросы истории. – 1949. – № 8. – С. 74-112.

14. Майдачевский Д.Я. В.К. Яцунский как историк историко-экономической науки / Д. Я. Майдачевский // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: ежегодник / под ред. М.М. Загоруйко; ВолГУ. – Волгоград, 2006. – Вып. 8. – С. 21-25.

15. Силинский П. Усилить организационную подготовку / П. Силинский // Восточно-Сибирская правда. – 1947. – 3 июня.

16. Кудрявцев Ф.А. Документальные фонды Иркутской области как источник изучения Восточной Сибири / Ф.А. Кудрявцев // Конференция по изучению производительных сил Иркутской области, 4–11 авг. 1947 г. : тез. докл. – Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1947. – С. 338.

17. Шерстобоев В.Н. Начало развития земледелия в Предбайкалье (Илимская пашня) / В.Н. Шерстобоев ; предисл., публ. и прим. Д.Я. Майдачевского // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2000. – Иркутск : Изд-во ИГЭА, 2000. – С. 11-22.

18. Кудрявцев Ф.А. Краткий исторический очерк Иркутской области / Ф.А. Кудрявцев ; под общ. ред. В.А. Кротова [и др.]. – [Иркутск] : Иркут. обл. изд-во, 1948. – 52 с. – (Очерки природы и хозяйства Иркутской области).

19. Кудрявцев Ф.А. Краткий исторический очерк / Ф.А. Кудрявцев // Иркутская область: экономико-статистический справочник. – Иркутск : Огиз, 1941. – С. 5-29.

20. Бовыкин В.И. Актуальные проблемы экономической истории / В.И. Бовыкин // Новая и новейшая история. – 1996. – № 4. – С. 16–23.

21. Фролов Д.П. «Институциональная оттепель» в экономической истории и политической экономии СССР / Д.П. Фролов // Экономическая история России : проблемы, поиски, решения: ежегодник / под ред. М.М. Загоруйко. – Волгоград, 2002. – Вып. 4. – С. 108–118.

22. Всемирная история экономической мысли : в 6 т. Т. 6 : Экономическая мысль социалистических и развивающихся стран в послевоенный период (40-е – первая половина 90-х гг.), кн. 1 : Отечественная экономическая наука / [редкол.: В.Н. Черковец (гл. ред.) и др.]. – Москва : Мысль, 1997. – 781, [2] с.

23. Баканов С.А. Институционализация научного направления «экономическая история России»: краткий обзор / С.А. Баканов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 34. – С. 182–187.

24. Майдачевский Д.Я. Творчество В.Н. Шерстобоева в контексте послевоенного этапа развития отечественной историко-экономической науки / Д.Я. Майдачевский // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2009. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2009. – С. 5–12.

25. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). – Ф. Р-1813 (Байкальский государственный университет экономики и права). – Оп. 1.

26. История Бурят-Монгольской АССР / под ред. А.П. Окладникова ; Бурят-Монгол. науч.-исслед. ин-т культуры. Т. 1. – Улан-Удэ : Бурмонгиз, 1951. – 574 с.

27. ГАИО. – Ф. Р-2683 (В.Н. Шерстобоев). – Оп. 1.

28. Сталинское экономическое наследство: планы и дискуссии. 1947-1953 гг. : документы и материалы / сост.: В.В. Журавлев, Л.Н. Лазарева. – Москва : Политическая энциклопедия, 2017. – 647 с.
29. Сталин И. Экономические проблемы социализма в СССР / И. Сталин. – Москва : Госполитиздат, 1952. – 96 с.
30. Филиппов И.С. Б.Ф. Поршнев и политическая экономия феодализма / И.С. Филиппов // Французский ежегодник 2007: советская и французская историографии в зеркальном отражении. 20-е – 80-е годы XX в. – Москва : Едиториал УРСС, 2008. – С. 89-131.
31. Тихонов В.В. «Политэкономия» академической карьеры в сталинскую эпоху: дискуссия по политэкономии 1951 г., XIX съезд и историк А.Л. Сидоров / В.В. Тихонов // Диалог со временем. – 2017. – № 1. – С. 340–351.
32. Гринин Л.Е. Исторический материализм на Западе: история и будущее. Ч. 1. Исторический материализм до 1920-х гг.: анализ достоинств и недостатков концепции / Л.Е. Гринин // Философия и общество. – 2020. – № 2. – С. 5–34.
33. Шулунов Н. За марксистское освещение истории Бурят-Монгольской АССР / Н. Шулунов, П. Матханов, В. Шатилов, П. Тышкилов // Бурят-Монгольская правда. – 1952. – 13 апр.
34. Коллингвуд Р.Д. Идея истории ; Автобиография / Р.Д. Коллингвуд ; пер. и коммент. Ю.А. Асеева. – Москва : Наука, 1980. – 485 с.
35. Герасимова К.М. Обсуждение 1-го тома «Истории Бурят-Монгольской АССР» в Улан-Удэ и Иркутске / К.М. Герасимова // Записки Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры. – 1952. – Вып. 16. – С. 68-84.
36. Кузнецов И.И. Научно-исследовательская работа историков на местах. Иркутск / И.И. Кузнецов // Вопросы истории. – 1955. – № 1. – С. 178-179.
37. Дулов В. Научно-исследовательская работа историков Иркутска / В. Дулов // Вопросы истории. – 1947. – № 11. – С. 148-149.

Информация об авторе

Майдачевский Дмитрий Ярославович – кандидат экономических наук, доцент, кафедра международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: MaidachevskyDY@bgu.ru.

Author

Dmitry Ya. Maidachevsky – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of International Relations and Customs, Baikal State University, Irkutsk, Lenin st., 664003, e-mail: MaidachevskyDY@bgu.ru.